М.А. Ядова

**МОЛОДЕЖЬ В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

***Аннотация.** В центре внимания автора – глобальные угрозы, с которыми сталкивается сегодня молодежь России и зарубежных стран, и их социально-психологические последствия. В качестве примера анализируются эффекты от террористических актов 11 сентября 2001 г. и спровоцированной ими политики борьбы с террором: признаки посттравматического расстройства у многих жителей США, стигматизация и дискриминация представителей определенных этнических и религиозных групп; проблемы, связанные с самоидентификацией и адаптацией мусульманской молодежи.*

Также рассматривается влияние, вызванное усложнением социальной жизни и завышенными требованиями современного общества к новым поколениям. Показано, какие стратегии адаптации в условиях перманентной социальной нестабильности выбирает молодежь. В качестве негативной реакции на усложнение жизни и усиление социальной напряженности исследуется феномен добровольной самоизоляции и отказа от социальной жизни в молодежной среде (хикикомори, NEET и т.п.). Выделяются психологические, социальные и поведенческие факторы, способствующие подобного рода самоизоляции. В числе актуальных «молодежных» рисков рассматриваются такие новые для современного социума явления, как киберагрессия и кибервиктимизация, получившие распространение в интернет-пространстве в последние годы. Объясняются причины, в результате которых человек превращается в жертву или становится агрессором. Анализируются негативные эмоциональные переживания современных юношей и девушек, находящихся под давлением господствующих в сегодняшнем мире социальных стереотипов об успехе, феминности и маскулинности. Подчеркивается, что несоответствие этим нормативным представлениям нередко становится причиной сложного внутриличностного конфликта.

***Ключевые слова:** молодежь; глобальные угрозы; терроризм; посттравматическое расстройство; самоизоляция и эскапизм; киберагрессия; кибервиктимизация; внутриличностный конфликт.*

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук,
заведующая отделом социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам РАН,

Россия, Москва. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500;
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

Yadova M.A. Youth in a World of Global Threats: Social and Psychological Consequences

Abstract. *The paper focuses on global threats faced by the young people in Russia and elsewhere, with particular emphasis on the social and psychological consequences of these challenges. As an example, analyzed are the effects of the September 11, 2001 terrorist attacks and the anti-terrorist policies that followed – signs of post-traumatic stress disorder among many U.S. citizens, stigmatization and discrimination of certain ethnic and religious groups, problems related to self-identification and adaptation of the Muslim youth.*

Highlighted is the impact of the complication of social life and the growing demands of modern society upon the new generations as well as adaptation strategies which the young people choose in the conditions of permanent social instability. The phenomenon of voluntary self-isolation and rejection of social life among the young people (Hikikomori, NEET, etc.) is analyzed as a negative reaction to the complication of life and increasing social unrest. The psychological, social and behavioral factors contributing to this kind of self-isolation are highlighted. Among the primary «youth» risks considered are such new phenomena to modern society as cyber-aggression and cyber-victimization, which in recent years have become widespread in the Internet space. The article provides explanations as to why a person becomes a victim or an aggressor, the primary causes being the negative emotional experiences of the young men and women who are under pressure from social stereotypes about success, femininity and masculinity prevailing in today's world. It is stressed that the discrepancy with these standard perceptions often leads to a complicated intrapersonal conflict.

Keywords: *youth; global threats; terrorism; post-traumatic stress; self-isolation and social escapism; cyber-aggression; cyber-victimization; intrapersonal conflict.*

Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Sociology and Social Psychology,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia,
Moscow. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500;
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

По аналогии с известной строкой Гейне о других временах и других птицах, поющих другие песни¹, можно говорить и о других глобальных угрозах для других – новых – поколений. В XXI в. человечество оказалось перед

1. Строка из поэмы Г. Гейне «Atta Troll. Ein Sommernachtstraum» («Атта Троль. Сон в летнюю ночь»): *Andre Zeiten – andre Vögel! / Andre Vögel – andre Lieder!*

лицом беспрецедентных вызовов: перманентная глобальная неопределенность, усиление социального неравенства, терроризм и экстремизм, киберугрозы, эпидемии, климатические изменения и т.п. Обычно исследователей интересует макроуровень влияния этих угроз, однако у любой глобальной проблемы есть и «локальное» измерение. В настоящей работе мы предлагаем рассмотреть социально-психологические последствия глобальных вызовов, с которыми сталкивается сегодня молодежь России и зарубежных стран.

В качестве примера проанализируем эффекты от террористических актов 11 сентября 2001 г. и порожденной ими политики борьбы с террором: посттравматические стрессовые расстройства, стигматизация и дискриминация представителей некоторых этнических и религиозных групп, проблемы самоидентификации и адаптации мусульманской молодежи.

Так, в систематическом обзоре научных работ медицинской, психологической и социологической направленности (2001–2011) [Consequences 2015], подготовленном группой исследователей из Канады, Австралии и Великобритании, исследуются социальные последствия террористических актов 11 сентября 2001 г. и их влияние на психоэмоциональное состояние различных групп населения, включая молодежь. Авторы обзора отмечают, что политика борьбы с террором, предпринятая США и другими странами после трагедии 9/11, спровоцировала усиление социальной напряженности на разных уровнях. Прежде всего это выразилось в увеличении мер безопасности в государствах, принимающих мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, а также в исламофобии и дискриминации арабов. Рассуждая об эффектах терактов 9/11, ученые выделили негативные (посттравматические расстройства личности, депрессия и чувство тревоги, психосоматические заболевания и др.) и позитивные (выработка адаптивных стратегий) факторы.

Если говорить о последствиях событий, произошедших 11 сентября, для подростков и молодежи, то, по словам авторов обзора, они достаточно противоречивы. Так, по одним данным, была выявлена острая негативная реакция этой возрастной группы на трагедию [Matt, Vázquez 2008], другие работы, напротив, не зафиксировали подобного влияния [Impact of the September 11th 2014]. Одним из ключевых факторов для проявления симптомов депрессии и тревоги стала географическая близость участников исследования к месту катастрофы [Posttraumatic stress 2005]. Как правило, девушки, видимо, в силу природной эмоциональности, по сравнению с юношами демонстрировали значительно больше признаков посттравматического расстройства [Ray, Malhi 2004]. Тяжелее других переживали события 9/11 молодые люди, до этого столкнувшиеся с психотравмирующими ситуациями или имевшие плохие отношения с родными, в то же время обсуждение случившегося в семье, наоборот, помогало справиться со стрессом [Lutz, Hock, Kang 2007]. Также был зафиксирован рост числа конфликтов между представителями евроамериканской и арабской молодежи.

риканского большинства и мусульманских меньшинств. Например, по некоторым данным, известны случаи буллинга мусульманских подростков со стороны одноклассников в школах Нью-Йорка «по следам» произошедшей трагедии [Kromidas 2004].

Ответной реакцией мусульманской молодежи на стресс стали «парадоксы самоидентификации»: например, молодые мусульмане переставали позиционировать себя в качестве американцев, становясь в открытую оппозицию к США и их политическим действиям [Zaal, Salah, Fine 2007]. Вместе с тем часть мусульманской молодежи нашла в себе силы выработать конструктивные адаптационные стратегии: одни были сориентированы на укрепление связей с единоверцами, другие задумались о личной ответственности за формирование позитивного имиджа мусульманской общины [Zaal, Salah, Fine 2007].

Еще одной негативной реакцией на глобальные вызовы XXI в. и усложнение требований современного общества к новым поколениям можно считать феномен добровольной самоизоляции и социального эскапизма в молодежной среде.

Сегодня, в разгар пандемии COVID-19, во всем мире вводится практика принудительной самоизоляции, хотя это выражение и звучит абсурдно. О феномене же обычной – добровольной – самоизоляции в последние годы написано довольно много. В восточноазиатских странах, как правило, распространено понятие «хикикомори», в европейской исследовательской традиции общеупотребительна аббревиатура NEET (сокращ. от англ. *Not in Employment, Education or Training* – «не учится, не работает и не участвует в профессиональной подготовке»). В США молодых людей, финансово зависящих от родителей или перебивающихся случайными заработками, называют твикстерами (от англ. *betwixt* – между, т.е. те, кто застрял между подростковым возрастом и взрослостью). Можно предположить, что среди поколения миллениалов (а впоследствии и центениалов) доля таковых «застрявших» выше, поскольку для представителей этих возрастных когорт в целом характерно запаздывание с освоением «взрослых» социальных ролей [Радаев 2019].

Термином «хикикомори», или «хикки» (в переводе с яп. – находящийся в уединении), обозначают людей, которые намеренно «убегают» от социальной жизни, не имеют работы и находятся на иждивении родных. Обычно выделяют два типа хикки – абсолютный и относительный: первые не контактируют даже с родными и практически никогда не покидают места своего обитания, вторые иногда общаются с близкими и в случае острой необходимости могут выйти из дома [Heinze, Thomas 2014]. К хикикомори, как правило, относят людей, социальная самоизоляция которых длится довольно продолжительное время – не менее полугода [Li, Wong 2015; Home visitation program 2013]. В силу малоизученности этого феномена данные о численности хикикомори в том или ином социуме достаточно приблизительны, но в целом, по

мнению специалистов, доля таковых не превышает 3% среди молодежи [Li, Wong 2015; Lifetime prevalence 2010; The prevalence 2015].

Китайские исследователи Т. Ли и П. Вонг [Li, Wong 2015, p. 601–603] отмечают, что большинство хикикомори выросли в чрезмерно опекающих, обеспеченных или авторитарных семьях, поэтому им сложнее, чем другим, стать самостоятельными. Нередко ряды хикки пополняют молодые люди, имеющие тяжелый психотравмирующий опыт в родительской семье или учебном коллективе.

Еще одна категория населения, чем-то напоминающая хикки (их, скажем, более «облегченная версия») – NEET-молодежь, под которой обычно понимают экономически неактивную группу юношей и девушек, исключенных из социальной жизни более чем на полгода. Возрастные рамки этой категории достаточно условны и сильно варьируются. Очевидно, что такая «выключенность» в будущем чревата проблемами с трудоустройством и социализацией. По оценкам специалистов, доля NEET в общей численности молодежи в возрасте от 15 до 24 лет в Европе и России составляет около 12% [Зудина 2019]. В гендерной структуре NEET традиционно преобладают девушки. К NEET обычно относят: безработных; людей, возможности которых ограничены определенными жизненными обстоятельствами (молодые родители, те, кто имеют проблемы со здоровьем или ухаживают за больными родственниками и т.п.); юношей и девушек, которые намеренно не ищут работы и не желают учиться; представителей «свободных» профессий, дауншифтеров; тех, кто пытается включиться в полноценную общественную жизнь, но пока это у них не очень хорошо получается [NEETs 2012, p. 24]. Впрочем, зачастую статистические данные не учитывают, что представители NEET-молодежи могут быть вовлечены в социально полезную деятельность: например, участвовать в семейном бизнесе или волонтерской работе, выполнять поручения религиозных или общественных организаций [Holte 2017]. Однако, к сожалению, в массовом сознании сложился преимущественно негативный образ представителей этой социальной группы.

Иногда к эскапистским паттернам поведения относят дауншифтинг как практику добровольного отказа от движения вверх по карьерной лестнице и слишком напряженного ритма жизни. На наш взгляд, такой подход не совсем верен: результаты многих актуальных отечественных и зарубежных исследований на эту тему демонстрируют позитивные стороны дауншифтинга и дают возможность рассматривать его как творческую практику и альтернативную модель успешности [Мерзлякова 2008; Торотоева 2020]. Вместе с тем на постсоветском пространстве, где большинство населения живет в экономически стесненных условиях, явление дауншифтинга не приобрело широкую популярность, видимо, из-за характерных для этих стран социальных стереотипов о нерациональности отказа от стандартов сверхпотребления и недоста-

точной ценности «простого» образа жизни. Кроме того, многие социологические исследования говорят о том, что современная молодежь, в том числе российская, все чаще выбирает «калейдоскопный» тип карьеры – «трудовую стратегию, учитывающую индивидуальные особенности личности и позволяющую адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [Ядова 2017, с. 103; Mainiero, Sullivan 2006].

Также в числе типично молодежных рисков можно рассматривать и такие новые для современного социума явления, как агрессия и виктимизация в виртуальном пространстве. Под киберагрессией предлагаем понимать оскорбления и манипулирование в интернет-пространстве (в социальных сетях, на форумах и пр.), а под кибервиктимизацией – процесс превращения человека в жертву, также происходящий на какой-либо онлайн-площадке.

Чешская исследовательница М. Райт, проанализировав результаты тестирования 16–18-летних подростков в Facebook, пришла к выводу, что выражение агрессии в виртуальной реальности становится для молодых людей своего рода отдушиной и способом управления стрессом и отрицательными эмоциями [Wright 2015]. Она отмечает, что шансы стать жертвой увеличиваются у юношей и девушек, имеющих сложные отношения с родителями, сверстниками, учителями и испытывающих тревогу по этому поводу. Кроме того, по словам исследовательницы, представителями «цифрового поколения» молодежи негативный опыт общения в виртуальном мире воспринимается так же остро, как в реальности. Киберагрессия и кибервиктимизация нередко сочетаются друг с другом: респонденты, пережившие травмирующий опыт кибервиктимизации, спустя время сами начинали вести себя агрессивно в Сети.

Обычно считается, что жертвы буллинга – маргиналы, имеющие проблемы с коммуникацией или чем-то невыгодно отличающиеся от окружающих. Однако есть немало научных работ, опровергающих этот стереотип. Например, исследование американцев Р. Фэриса и Д. Фелмли, проведенное среди старшеклассников 19 американских средних школ (более 8 тыс. опрошенных) и основанное на моделировании сложившихся в школьных коллективах межличностных взаимодействий, обнаружило, что травле со стороны сверстников зачастую подвергаются популярные среди одноклассников подростки, в которых недоброжелатели видят соперников [Faris, Felmlee 2014]. А если учесть, что агрессивное поведение в некотором роде «заразно» и дружба с жертвой или агрессором повышает шансы быть втянутым в конфликт, сетевые «войны» в скором времени могут приобрести «пандемический» характер и стать реальной угрозой для новых поколений.

Иногда причиной тяжелого внутриличностного конфликта у юношей и девушек становится ощущение собственных неполноценности и несоответствия господствующим в современном мире нормативным представлениям об успехе, феминности и маскулинности.

Так, по мнению историка Дж. Брумберг, сегодня женское тело стало типичным объектом потребления, а социокультурные образы женственности базируются преимущественно на темах, связанных со способами поддержания внешней привлекательности и с требованиями безостановочного личного совершенствования [Brumberg 1997].

Например, в работе М. Стрембек и ее коллег из шведского Университета Умео, основанной на результатах интервью с 25 молодыми шведками – участницами курсов по управлению стрессом, отмечается, что стремление участниц исследования к успеху любой ценой привело их к тяжелому личностному конфликту и глубоким эмоциональным переживаниям [The corporeality 2014]. Информантки часто говорили о своем стремлении стать интеллектуально развитыми, самостоятельными и профессионально успешными женщинами. Кроме того, им непременно хотелось достичь «идеальной» женственности, т.е. обладать красивым и здоровым телом, быть приятными собеседницами и заботливыми дочерьми, подругами и пр. Неудивительно, что большинству девушек казалось, что они не вписываются в созданный коллективным воображением современного социума образ успешной молодой женщины: это вызывало у участниц проекта сильнейший стресс и психосоматические расстройства.

Схожие переживания характерны и для современных молодых людей. Так, социологи А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковская, изучая изменения конструкта маскулинности российских рабочих, проанализировали классические и новые типы мужественности в рабочей среде в последние годы существования СССР, в пореформенный период 1990-х годов и в 2000–2010-е годы [Ваньке, Тартаковская 2016]. По словам исследовательниц, внутренняя неуверенность рабочих объясняется тем, что после распада СССР рабочие специальности потеряли прежний престижный статус и приоритет стал отдаваться интеллектуальному труду. В связи с этим мужчины-рабочие моложе 40 лет стали конструировать новый тип маскулинности, основанный на свободололюбивом образе «мужчины-борца и мужчины-активиста» [Ваньке, Тартаковская 2016, с. 147]. Представители «нового» рабочего класса копируют образ жизни «белых воротничков»: стремятся к самообразованию, следят за своей внешностью, занимаются спортом, демонстрируют высокий уровень потребления. Однако компенсаторные жизненные стратегии не всегда уберегают молодых рабочих от комплексов и низкой самооценки из-за невозможности соответствовать доминирующим гендерным ожиданиям.

В целом, обсуждая влияние глобальных угроз на новые поколения, необходимо отметить, что, как ни парадоксально, оно бывает и позитивным. Прежде всего побочным эффектом подобных изменений становятся конструктивные стратегии адаптации и освоения полезных социальных практик и навыков, необходимых для выживания в новой реальности.

Библиография

- Ваньке А.В., Тартаковская И.Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. Т. 25. № 4. С. 136–153.
- Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 140–160.
- Мерзлякова В.Н. Альтернативные модели успешности в современной культуре: Дауншифтинг // Вестник общественного мнения. 2008. № 4. С. 33–42.
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. (Социальная теория).
- Торотова А.М. Дауншифтинг как альтернативная модель успешности. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2020. Серия 11: Социология. № 2. С. 18–26.
- Ядова М.А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 91–104.
- Brumberg J.J. The body project: An intimate history of American girls. N.Y.: Vintage books, 1997. 267 p.
- Consequences of 9/11 and the war on terror on children's and young adult's mental health: A systematic review of the past 10 years / Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M. // Clinical child psychology and psychiatry. 2015. Vol. 20. N 2. P. 173–193.
- Faris R., Felmlee D. Casualties of social combat: School networks of peer victimization and their consequences // American sociological rev. 2014. Vol. 79. N 2. P. 228–257.
- Heinze U., Thomas P. Self and salvation: Visions of hikikomori in Japanese manga // Journal of the German institute for Japanese studies. 2014. Vol. 26. N 1. P. 151–169.
- Holte B.H. Counting and meeting NEET young people: Methodology, perspective and meaning in research on marginalized youth // Young. L., 2017. Vol. 26. N 1. P. 1–16.
- Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea / Lee Y.S., Lee J.Y., Choi T.Y., Choi J.T. // Psychiatry and clinical neurosciences. 2013. Vol. 67. N 4. P. 193–202.
- Impact of the September 11th terrorist attacks on teenagers' mental health / Gould M.S., Munfakh J.L.H., Kleinman M., Lubell K., Provenzano D. // Applied developmental science. 2004. Vol. 8. N 3. P. 158–169.
- Kromidas M. Learning war / learning race: Fourth-grade students in the aftermath of September 11th in New York City // Critique of anthropology. 2004. Vol. 24. N 1. P. 15–33.
- Li T., Wong P. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): A systematic review of qualitative and quantitative studies // Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2015. Vol. 49. N 7. P. 595–609.
- Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of «hikikomori» in a community population in Japan / Koyama A., Miyake Y., Kawakami N., Tsuchiya M., Tachimori H., Takeshima T. // Psychiatry research. 2010. Vol. 176. N 1. P. 69–74.
- Lutz W.J., Hock E., Kang M.J. Children's communication about distressing events: The role of emotional openness and psychological attributes of family members // American journal of orthopsychiatry. 2007. Vol. 77. N 1. P. 86–94.
- Mainiero L.A., Sullivan S.E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. 378 p.
- Matt G.E., Vázquez C. Anxiety, depressed mood, self-esteem and traumatic stress symptoms among distant witnesses of the 9/11 terrorist attacks: Transitory responses and psychological resilience // Spanish journal of psychology. 2008. Vol. 11. N 2. P. 503–515.

NEETs: Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe / Eurofound. – Luxembourg: Publications office of the European Union, 2012. 158 p.

Posttraumatic stress and depressive symptoms in a college population one year after the September 11 attacks: The effect of proximity / Blanchard E.B., Rowell D., Kuhn E., Rogers R., Wittrock D. // Behaviour research and therapy. 2005. Vol. 43. N 1. P. 143–150.

Ray M., Malhi P. Reaction of Indian adolescents to the 9/11 terrorist attacks // The Indian journal of psychiatry. 2005. Vol. 72. N 3. P. 217–221.

The corporeality of living stressful femininity: A gender-theoretical analysis of young Swedish women's stress experiences / Strömböck M., Formark B., Wiklund M., Malmgren-Olsson E.-B. // Young. 2014. Vol. 22. N 3. P. 271–289.

The prevalence and correlates of severe social withdrawal (hikikomori) in Hong Kong: A cross-sectional telephone-based survey study / Wong P.W., Li T.M., Chan M., Law Y.W., Chau M., Cheng C., Fu K.W., Bacon-Shone J., Yip P.S. // International journal of social psychiatry. 2015. Vol. 61. N 4. P. 330–342.

Wright M.F. Cyber victimization and perceived stress: Linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning // Youth and society. 2015. Vol. 47. N 6. P. 789–810.

Zaal M., Salah T., Fine M. The weight of the hyphen: Freedom, fusion and responsibility embodied by young Muslim-American women during a time of surveillance // Applied development science. 2007. Vol. 11. N 3. P. 164–177.

References

Brumberg J.J. The body project: An intimate history of American girls. N.Y.: Vintage books, 1997. 267 p.

Consequences of 9/11 and the war on terror on children's and young adult's mental health: A systematic review of the past 10 years. Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M. Clinical child psychology and psychiatry. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 173–193.

Faris R., Felmlee D. Casualties of social combat: School networks of peer victimization and their consequences. American sociological rev. 2014. Vol. 79. No. 2. P. 228–257.

Heinze U., Thomas P. Self and salvation: Visions of hikikomori in Japanese manga. Journal of the German institute for Japanese studies. 2014. Vol. 26. No. 1. P. 151–169.

Holte B.H. Counting and meeting NEET young people: Methodology, perspective and meaning in research on marginalized youth. Young. 2017. Vol. 26. No. 1. P. 1–16.

Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea. Lee Y.S., Lee J.Y., Choi T.Y., Choi J.T. Psychiatry and clinical neurosciences. 2013. Vol. 67. No. 4. P. 193–202.

Impact of the September 11th terrorist attacks on teenagers' mental health. Gould M.S., Munfakh J.L.H., Kleinman M., Lubell K., Provenzano D. Applied developmental science. 2004. Vol. 8. No. 3. P. 158–169.

Kromidas M. Learning war / learning race: Fourth-grade students in the aftermath of September 11th in New York City. Critique of anthropology. 2004. Vol. 24. No. 1. P. 15–33.

Li T., Wong P. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): A systematic review of qualitative and quantitative studies. Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2015. Vol. 49. No. 7. P. 595–609.

Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of «hikikomori» in a community population in Japan. Koyama A., Miyake Y., Kawakami N., Tsuchiya M., Tachimori H., Takeshima T. Psychiatry research. 2010. Vol. 176. No. 1. P. 69–74.

Lutz W.J., Hock E., Kang M.J. Children's communication about distressing events: The role of emotional openness and psychological attributes of family members. *American journal of orthopsychiatry*. 2007. Vol. 77. No. 1. P. 86–94.

Mainiero L.A., Sullivan S.E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. 378 p.

Matt G.E., Vázquez C. Anxiety, depressed mood, self-esteem and traumatic stress symptoms among distant witnesses of the 9/11 terrorist attacks: Transitory responses and psychological resilience. *Spanish journal of psychology*. 2008. Vol. 11. No. 2. P. 503–515.

Merzlyakova V.N. Al'ternativnye modeli uspešnosti v sovremennoj kul'ture: Daunshifting [Alternative models of success in modern culture: Downshifting]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian public opinion herald]. 2008. No. 4. P. 33–42. (In Russ.)

NEETs: Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe. Eurofound. – Luxembourg: Publications office of the European Union, 2012. 158 p.

Posttraumatic stress and depressive symptoms in a college population one year after the September 11 attacks: The effect of proximity. Blanchard E.B., Rowell D., Kuhn E., Rogers R., Wittrock D. *Behaviour research and therapy*. 2005. Vol. 43. No. 1. P. 143–150.

Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossijskoe obshhestvo [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 224 p. (Social Theory). (In Russ.)

Ray M., Malhi P. Reaction of Indian adolescents to the 9/11 terrorist attacks. *The Indian journal of pediatrics*. 2005. Vol. 72. No. 3. P. 217–221.

The corporeality of living stressful femininity: A gender-theoretical analysis of young Swedish women's stress experiences. Strömböck M., Formark B., Wiklund M., Malmgren-Olsson E.-B. *Young*. 2014. Vol. 22. No. 3. P. 271–289.

The prevalence and correlates of severe social withdrawal (hikikomori) in Hong Kong: A cross-sectional telephone-based survey study. Wong P.W., Li T.M., Chan M., Law Y.W., Chau M., Cheng C., Fu K.W., Bacon-Shone J., Yip P.S. *International journal of social psychiatry*. 2015. Vol. 61. No. 4. P. 330–342.

Torotoeva A.M. Daunshifting kak al'ternativnaya model' uspešnosti. (Obzor) [Downshifting as an alternative model of success. (Review)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. 2020. No. 2. P. 18–26. (In Russ.)

Van'ke A.V., Tartakovskaya I.N. Transformacii maskulinnosti rossijskih rabochih v kontekste social'noj mobil'nosti. [The transformation of Russian working class masculinities in the context of social mobility]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 136–153. (In Russ.)

Wright M.F. Cyber victimization and perceived stress: Linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning. *Youth and society*. 2015. Vol. 47. No. 6. P. 789–810.

Yadova M.A. Obrazovatel'nye i professional'nye strategii postsovetsoj molodezhi [The educational and professional strategies of the Post-Soviet youth]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world]. 2017. No. 2. P. 91–104. (In Russ.)

Zaal M., Salah T., Fine M. The weight of the hyphen: Freedom, fusion and responsibility embodied by young Muslim-American women during a time of surveillance. *Applied development science*. 2007. Vol. 11. No. 3. P. 164–177.

Zudina A.A. «Ne rabotajut i ne uchatsya»: molodezh' NEET na rynke truda v Rossii [The NEET youth in the Russian labor market]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2019. No. 1 (28). P. 140–160. (In Russ.)